

**К РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАТЕКСТОВОЙ СИТУАЦИИ ПРОКЛЯТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОСТРОМСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ
ТРАДИЦИИ)**

**Елена Львовна
Березович**

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
заведующая кафедрой русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Почтовый адрес: пр. Ленина, 51,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

**Яна Владимировна
Малькова**

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
топонимическая лаборатория кафедры
русского языка, общего языкознания и
речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Почтовый адрес: пр. Ленина, 51,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Аннотация

Статья посвящена исследованию затекстовой ситуации проклятия, организующей соответствующий речевой акт. Материалом выступили мифологические тексты, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета в 1975–2024 гг. в Костромской области. В статье были последовательно рассмотрены все компоненты ситуации проклятия, указания на которые повторяются в рассказах диалектоносителей: 1) действие проклятия; 2) субъект; 3) объект; 4) инструмент; 5) время; 6) место; 7) последствия проклятия; 8) противодействие проклятию. Проанализированы метаязыковые маркеры проклятия, организующие повествование о нем, к примеру глаголы, называющие злоречение, такие как клясть, покласть, намолить, прокликнуть и др., существительные и прилагательные, именующие объект проклятия, – клягыш, проклиныш, проклинутый, прокликнутый, поклянный и др. Описаны внеязыковые роли ситуации злоречения, такие как родители (особенно мать), супруги (особенно жена), хозяин по отношению к скоту в качестве отправителя проклятия. В статье также сформулированы основные мотивы, организующие тексты о проклятиях: например, если говорить о последствиях проклятия, то ключевыми становятся мотивы пропажи проклятого в лесу, похищения проклятого нечистой силой, болезнь (обычно психическая) проклятого и др. Особое внимание уделено до сих пор мало исследовавшимся элементам ситуации проклятия. Так, подробно описан инструмент проклятия, который в костромской традиции оказывается колом (клином), используемым в магических практиках проклятия, наведения порчи, когда кол вбивается во двор проклипаемого, с одной стороны, а с другой стороны, имеющим апотропеическое применение в широком круге ситуаций защиты от нечистой силы и проклятий. Делаются некоторые выводы лингвогеографического характера о распространенности тех или иных мотивов на разных территориях; указывается перспективность исследования затекстовой ситуации проклятия на материале других локальных культурно-языковых традиций.

Ключевые слова

Проклятие, этнолингвистика, Костромская область, русские народные говоры, мифологические тексты, полевые материалы

Финансирование

Авторская работа Я. В. Мальковой выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10029, <https://rscf.ru/project/23-78-10029/>».

Статья поступила в редакцию 5 марта 2025 г.

Статья доработана автором 25 марта 2025 г.

Статья принята в печать 22 апреля 2025 г.

Цитирование: *Березович Е. Л., Малькова Я. В.* К реконструкции затекстовой ситуации проклятия (на материале костромской культурно-языковой традиции) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07>

ON RECONSTRUCTION OF AN EXTRA-TEXT CURSE SITUATION (BASED ON THE MATERIALS OF KOSTROMA CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION)

Elena L. Berezovich

Dr. Hab, Professor,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,
Head of the Department of Russian
Language, General Linguistics
and Verbal Communication,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

Yana V. Malkova

Ph. D., Researcher,
Toponymic Laboratory
of Department of Russian Language,
General Linguistics
and Verbal Communication,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Abstract

The article is concerned with the study of an extra-text curse situation arranging the corresponding speech acts. The article is based on mythological texts recorded by the Toponymical expedition of the Ural University in the Kostroma region from 1975 to 2024. The article examines the components of the curse situation repeatedly appearing in the stories of dialect speakers: 1) curse effect; 2) subject; 3) object; 4) tools; 5) time; 6) place; 7) curse consequences; 8) counter measures against the curse. Metalinguistic markers of a curse, for example verbs naming evil speech, such as *klyast'*, *poklyast'*, *namolit'*, *proklinut'*, etc. nouns and adjectives naming the curse object, such as *klyatysh*, *proklinysh*, *proklinuty*, *prokliknutyy*, *poklyanny*, etc. have been analyzed. Extralinguistic roles of the evil speaking situation, such as parents (especially mother), spouses (especially wife), keeper towards his/her livestock as a curse addresser have been described. The article also represents the main tropes organizing the texts about curses: for example, if we talk about the curse consequences, the key tropes are the disappearance of the cursed one in the forest, the abduction of the cursed one by evil spirits, illness (usually a mental one) of the cursed one, etc. Special attention is paid to the elements of the curse situation that have not yet been studied in much detail. Thus, the curse tool is described in detail; in the Kostroma tradition it is a stake (wedge), which, on the one hand is used in the magical practices of cursing and casting bad

spells, when a stake is hammered into the courtyard of the person to be cursed, and on the other hand having apotropaic use in a wide range of situations of protection against evil spirits and curses. Some linguistic and geographical conclusions are made about the prevalence of certain tropes in different areas; the prospects for studying the extra-textual curse situation based on the materials of other local cultural and linguistic traditions are indicated.

Keywords

Curse, ethnolinguistic, Kostroma region, Russian dialects, mythological texts; field materials

Funding

The work authored by Ya. V. Malkova was prepared as a part of the project supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-78-10029, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10029/>).

Received 5 March 2025

Revised 25 March 2025

Accepted 22 April 2025

For citation: Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2025. On Reconstruction of an Extra-Text Curse Situation (Based on the Materials of Kostroma Cultural and Linguistic Tradition). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07>

Проклятие в традиционной культуре славян понимается как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой нанести урон обидчику, недругу, наслать на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком — нарушителем законов и обычаев»¹. Как следует из этого определения, проклятие вписано в определенный сценарий, ситуацию. Проклятие может изучаться в двух аспектах: во-первых, в аспекте затекстовой ситуации, организующей соответствующий речевой акт, во-вторых, с точки зрения внутритекстовой структуры, разворачивающейся в собственно словесную формулу.

В предшествующих публикациях Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой², посвященных лексике русских проклятий, исследование велось в рамках

¹ Виноградова Л. Н., Седякова И. А. Проклятие // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 286.

² Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // *Вопросы языкознания*. 2018. № 3. С. 89–111; *Они же*. Названия болезней в русских проклятиях // *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения В. Н. Топорова* / под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 111–140; *Они же*. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // *Шаги/Steps*. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287; и др.

второго из названных аспектов: изучались собственно формулы злоречений, в составе которых выделялись различные позиции (актор, предикат, хронотоп и прочее), а затем рассматривалась лексическая манифестация этих позиций. При этом затекстовая ситуация нами еще не изучалась, хотя есть ряд важных работ специалистов по фольклору, которые ею занимались; см., например, компетентное диссертационное сочинение Я. Ю. Соловьевой³.

Подходя к исследованию **затекстовой ситуации проклятия** с позиций широкой этнолингвистики, мы решили поначалу сосредоточиться на описании отдельной региональной культурно-языковой традиции — костромской. Она изучалась авторами статьи и их коллегами в полевых условиях — при работе в составе Топонимической экспедиции Уральского университета. Объектом исследования в статье станут, с одной стороны, собственно языковые (главным образом метаязыковые) маркеры проклятия, организующие повествование о нем, а с другой, наполнение затекстовой ситуации проклятия, которая разворачивается в связи со злоречением. Основным массивом материала выступают полевые записи мифологических текстов, представленные в Лексической⁴ и Этнографической⁵ картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета. Среди них будут и факты, зафиксированные в течение последнего полевого сезона — лета 2024 г.⁶

Затекстовая ситуация проклятия включает в себя несколько устойчивых компонентов, упоминания которых регулярно повторяются в различных нарративах, записанных у диалектоносителей: 1) действие проклятия; 2) субъект; 3) объект; 4) инструмент; 5) время; 6) место; 7) последствия проклятия; 8) противодействие проклятию. Обратимся к каждому из них.

Сделаем предварительное замечание, относящееся к области лингвопрагматики злоречения. Как следует из рассказов диалектоносителей, проклятие может быть наложено несколькими способами. С одной стороны, проклятие осуществляется, когда субъект произносит особую формулу-злопожелание: «Матка сказала “Бей тебя стрелой!” — в его молния и попала. Он всю жизнь полудурок» (Кологр); «Баба сказала в поудень: “Будь ты недаровой!” Парня у ёй к вечеру на реке закружило, еле спасли» (Шар). С другой стороны, к неблагоприятным последствиям может привести упо-

³ Соловьева Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе: сюжетный состав и жанровые реализации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁵ Этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁶ Сведения из этих картотек далее будут подаваться без паспортизации.

минание нечистой силы или же обценная ругань: «Как-то девка маленькая со старухой в Святки дома осталась. И старуха на девку: “Да отстань, нечистый дух”! Девку из-за стола как выдуло» (Мак); «Лесной обменяет детей, если матом ругают» (Окт). Отметим и то, что проклятие может быть непреднамеренным, когда говорящий не желает зла, но употребляет «опасную» речевую формулу: «Матка и скажи: “Где ты, леший тебя понеси?!” В сердцах сказала, дурного не думала, а леший-то унёс дочку» (Кологр). При этом в традиционном восприятии оба вида речевых актов — «оптативные» проклятия и отсылки — могут иметь одинаковые (самые серьезные) перлокутивные эффекты.

ДЕЙСТВИЕ ПРОКЛЯТИЯ

Основной способ обозначения действия проклятия — общерусский глагол *проклинать* и однокоренные ему *клясть*, *клясти*, *клясться*, *клястись*, *поклясть*, *поклёсть* и др.: «*клясть* в отличие от *говорить* означает сакрализованную речь, слово, обладающее силой действия»⁷, ср. «Земля тебе пусть будет камнем! — проклинали так. Страшное проклятие. Земля чтоб не приняла его. Бельмо тебе на глаз! — проклинали» (Кологр); «С другой деревни коров потеряли, отец дочь поклял, а клясти нельзя» (Вохом); «Господи, я не клянусь! Клятба — возьми тебя леший!» (Вохом).

В орбиту проклятий втягиваются и другие **обозначения магической речи**. Так, характерно использование глагола *намо́лить*, который может менять оценочный полюс (по сравнению с общенародной семантикой): «“Чтоб те сдохнуть!” — вот это и называется намолят. Намолили, говорит, мне это уж, сделали <навели порчу>» (Окт). Такая семантика указанного глагола перекликается с костр. *мо́лiтва*, *мо́лiтовка* ‘заговор, заклинание (в том числе вредоносное)’: «[Для лечения грыжи:] Тряпочку положит, зубам кусает и читает молитву свою», «Молитовку скажут килуны-те — молока и не станет у коровушки» (Окт), ср. также арх. *мо́лiть* ‘насылать порчу’: «Павередны <способные навести порчу> люди есть, молят тебе болеть какую»⁸.

Следующий глагол, который описывает действие проклятия, — *прокльiкнуть*: «Прокльiкнула ребёночка в межуемочный час — ну и потеряла его. Забрал леший» (Меж). Этот весьма интересный глагол, кажется, не фиксируемый другими источниками, кроме Лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета на костромской территории, используется для описания не только проклятия, но и ближайшего

⁷ Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). М.: Наука, 1994. С. 174.

⁸ Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л-М / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 312.

к нему действия — наведения порчи: «Колдун-от, Егор Грязет, отпускал наговоры по ветру — и на кого поветрие попало, тот будет страдать. Прокликнет чьё имя, отпустит по ветру — тот и страдает» (Меж). Вообще, гнездо корня *-клик-* активно при описании магической и обрядовой речи, о чем мы говорили в предыдущих работах⁹. Так, в костромской традиции глагол *окликать* связан с практикой величания молодых в один из весенних праздников (это может быть Масленица, первая суббота или воскресенье после Пасхи и др.), словосочетание *окликать Егория* описывает обход домов и исполнение ритуальных песен в Егорьев день, и др. Этот глагол можно отнести к ряду других, характеризующих «напряженную речь», — *вопить*, *вить*, *реветь*, *кричать* и др. Называя некоторую речевую «аномалию», слишком громкий, интенсивный звук по сравнению с нормой, этот глагол используется в сфере описания магической речи и самых разнообразных магических практик. Проклятие точно так же начинает свое действие, будучи произнесенным «измененным» голосом, ср.: «Еретик с вам! — чёрные слова. *Крикнешь* к ночи дома — из семьи кто сгинуть может» (Мак).

Ранее мы высказывали предположение о том, что вовлечение глагола *прокликнуть* в круг обозначений проклятия имеет дополнительную причину — сходство фонетического облика *проклинать* — *прокликнуть*¹⁰. Несколько опережая ход повествования (обозначения проклятых будут рассмотрены далее), хочется обратить внимание и на следующий факт, записанный нами в ходе последнего полевого сезона (2024 г.), — *прокликнутый* ‘проклятый’: «Матка скажет: “Отступитесь, понеси вас черт!” В урочливый час скажет — и унесут черти. Было у нас. Сказала матка в сердцах, а девчонка и пропала. Нашли на третий день в лесу у ёлки. Девчонка прокликнута была, как рахманная <умственно неполноценная>» (Меж). На территории Межевского района отмечается и форма *проклíнутый*: «У нас одна девка проклинута была. Её матка проклýла, она в рамени <в лесу> оказалась» (Меж). Последняя форма, вероятно, образована от *прокликнуть* при аттракции к *проклинать*.

Еще одну группу глаголов, называющих действие проклятия, составляют отдемонимные глаголы с семантикой ‘проклинать, ругаясь с упоминанием того, кто назван производящей основой’. Если в общенародном языке это глагол *чертыхаться*, то в Костромской области — *лешакáться* и его варианты (производные) — *залешакáться*, *долешакáться*, *лешачítься*, *лешугáться*, *лешачítься* и др.: «Лешакаться нельзя хозяйке. Корова заблудится» (Окт); «Лешакаться нельзя. В лесу-то нельзя. “Понеси тебя леший”

⁹ Березович Е. Л. Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 5–9; Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33.

¹⁰ Там же. С. 30.

нельзя говорить» (Вохом); сюда же сочетания *по-лесному ругать*, *лесной ругаться*, соотносимые с костр. *лесной*, *леснина* ‘леший’: «На ребёнка по-всякому ругались, только не матом и не лесниной» (Парф). Упоминание лешего считается страшной бранью, грехом, поэтому нередко *леший* подвергается эвфемистическим заменам, ср.: «*Леший* нельзя говорить, леманом всё звали. Лемана помянут — слово мягче, не то, что леший» (Окт)¹¹. Важно отметить и то, что «лешакание» отличает именно северновеликорусские говоры (и дочерние по отношению к ним)¹².

Завершая разговор о глаголах с семантикой магической речи, получающих значение проклятия, отметим, что для их смыслового пространства нередко нерелевантна поляризация «божественного» и «демонического» (ср. проклинающий смысл *намолить* и *лешакаться*).

Глаголы «бытовой речи» представлены преимущественно лексемами с корнем *-руг-*: *ругать*, *ругаться*, *выругаться*, *изругать*, *наругать*, *поругать*, *разругаться*: «Ругала корову, так теряешь в лесу корову» (Окт); «Говорили, matka изругала её, её нечистая сила и взяла» (Вохом); «В лес ни коуды не ходи не ругайся. И чтоб тебя не ругали. А то водить будет» (Окт). Несмотря на то что эти глаголы могут означать, как в общенародном языке, «обычную» ругань¹³, в ряде диалектных контекстов она оборачивается проклятием (обычно неосознанным, если это упоминание нечистой силы), ср.: «Когда мать ругает “Понеси тебя леший” — и ребёнка унесёт» (Окт).

Среди других глаголов речи, означающих проклятие, встречается глагол-интенсив *выговáривать*: «Никогда не выговаривай, это грешно, это всё придёт на тебя» (Шар), а также экспрессив *лаяться*, отсылающий к просторечию, ср. «Лаялись бабы — ну, раздуло бы тебя горой!» (Мак). Эмоциональная окрашенность этих глаголов вовлекает их в практику действенной, перформативной речи.

Для обозначения **вербальной формулы проклятия** используются следующие номинации: ■ *проклятое слово* (Скажет: “Да уйди, вершний, от меня!” Это тоже проклятое слово (Пав); ■ *плохое слово*: «Пойдёшь по улице, тебя кто-нибудь что-нибудь проклянёт, плохое слово про тебя скажет» (Меж); ■ *нечистое слово*: «Вот будет жена мужа клятбой клясти: “Вот такой-то... и такой-то...”», нечистым-то словом, а мужу жену не проклясти» (Вохом); ■ *нехорошее слово*: «Он говорил: “Ты не ругайся по-лесному”. А у неё, у женщины, часто нехорошее слово вылетало» (Окт); ■ *чёрное слово*: «Еретик с вам! — чёрные слова» (Мак); ■ *клятва*: «Клянися клятбой — нечистая сила утащит» (Вохом).

¹¹ Подробнее см.: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. О лингвопрагматике русских демонических проклятий... С. 275.

¹² Там же.

¹³ Ср.: «Адамёнком ругают ребёночка: ну, скажут, не слушается» (Вохом); «Ты что выйти-то не знаешь?!» — нарушает порядки, большие маленьких ругают» (Вохом); «Ой, стой, егáрма! Это корове кричат так» (Шар).

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПРОКЛЯТИЯ

В костромских говорах закреплены наименования **объекта** проклятия — проклинаемого человека (чаще всего ребенка) или скотины. Это слова, образованные от *клясть*, реже — *ругать*: *клятыш*, *проклíныш*, *проклятой*, *проклíнутый*, *проклíкнутый*, *прокляту́щий*, *поклáнный*, *руганой*: «Мужик был клятыш. Матка сказала “Бей тебя стрелой!” — в его молния и попала. Он всю жизнь полудурок» (Кологр); «“Кол тебе в сердце!” — сказала, девку-то изурочила. Девка проклятушша была» (Меж); и др. Наличие таких образований (особенно субстантивированных отглагольных форм, закрепляющих некоторую «онтологичность» свойства предмета, каузированного действием) свидетельствует об особой выделенности проклятых в народной традиции: «метка» проклятия может оставаться на человеке всю жизнь.

В отличие от объекта, **субъект** проклятия не получает никакого номинативного выделения в системе языка; эта позиция может быть заполнена лишь на уровне текста — в быличках о злоречениях. В костромской традиции, как и в общерусской (и гораздо шире), в качестве отправителя проклятия выступают обыкновенно члены семьи, именно от «своих» проклятие наиболее действенно и наиболее опасно. Чаще всего встречается сюжет, когда **мать** проклинает своего ребенка: «Арину мать прокляла, дак на одёнок <недометанный стог сена> её занесло» (Шар). В изображении современных быличек эта ситуация редко бывает «сознательной»; обычно она проста и пугающа в своей бытовой обыденности: уставшая и изработавшаяся мать ругает плачущего, просящего есть или балующегося ребенка. **Отец** также может проклясть, однако таких нарративов значительно меньше: «Отец дочь поклял, а клясти нельзя. Она поклянная, её долго-долго носило, искали, нигде найти не могли, а нашли, её на берегу посадило. Ей лесной показался тятей, в лес и увёл» (Вохом). Иногда упоминаются «обобщенные» **родители**: «Родителям детей ругать нельзя. Это как проклятие. Потом только в церкви можно всё исправить» (Мак). Проклясть друг друга могут **супруги**, но при этом чаще упоминается **жена**, что еще раз подчеркивает прерогативу женской субъектности в сценарии проклятия ср.: «Его не отпускало, он был руганой. Жена, видно, поругала его, он и запутался, не может ходу найти» (Пав). Легко подвергается проклятию скот, когда его ругает **хозяин**: «Мужик залешакался: “Вот бы чёрт увёл!” Три дня не было коровы» (Окт); «Сгоняла да выругалась — скотина и не может прийти» (Кадый); «Одна у нас корову оскорбила, корова потом месяц в лесу жила одна. Пошла в лес и не смогла выйти из лесу-ту» (Мак).

Показательна ситуация, когда ребенок или скотина становятся объектами проклятия, направленного на другое лицо: «Мать сильно сватью наругала, а ребёнку приключилося — сын на зароде <продолговатом стог сена>» (Вохом); «Мама лешей назвала <меня>, дак корова в лес убежала» (Вохом). Здесь проявляется «неслучайная случайность»: ребенок или ско-

тина «случайно» присутствуют при акте проклятия, но подвергаются ему закономерно, имея особую уязвимость (это лишний раз уравнивает проклятие и порчу).

ИНСТРУМЕНТ ПРОКЛЯТИЯ

Об этом элементе затекстовой ситуации надо сказать особо, потому что на него почти не обращалось внимание исследователей. Проклятие определяется, о чем говорилось выше, как словесная формула и соответствующий вербальный ритуал, но в отдельных (редких) случаях к вербальному ритуалу могут подключаться «реальные» (предметные) вредоносные магические практики, несущие порчу¹⁴ объекту проклятия. Так появляется **инструмент порчи = проклятия**. В костромской традиции таким инструментом обычно оказывается *кол (клин)*.

При этом возможна ситуация «**симметрии**» текста и затекстовой ситуации (кол поименован в тексте проклятия и «опредмечен» в затекстовой ситуации) и ситуации «**асимметрии**» (есть только именование в тексте; имеется только магическая практика втыкания кола, не сопровождаемая текстом, но объект порчи считается проклятым). Ср. контексты, где перечисляются эти возможности: «Когда хотели кого-то проклясть, могли сказать: *Кол тебе в затыл <изгородь>*. Иногда могли действительно воткнуть кол из дерева за ограду» (Меж); «*Колом тебя пригвозди!* — проклинали. А которые ничего не говорили. Молча делали. Возьмут кол, втыкают его в землю в огороде, во дворе. Ну скотина начинаетдохнуть, а когда и люди помрут. А никто кол найти не может. Пока кол не найдёшь, проклятие на тебе» (Кологр); «*Кол осиновый тебе в жопу!* — страшное проклятие. От того повелось, что, когда колдуны умирают, в них кол всаживают» (Меж); «Чтобы извести скотину, осиновый *кол тебе вбить* надо. Только без слов не получится» (Кологр); «*Осиновый кол тебе на могилу!* — страшные слова. Чтоб ты умер как колдун, в мучениях» (Кологр); «У нас, когда хотели кого-то послать или проклясть, говорили: *Осиновый кол тебе на могилу!* Осиновый, потому что на осине Иуда удавился» (Шар); и др.

Магические практики втыкания кола (клина) во вредоносных и превентивных целях (вне зависимости от вербальной составляющей) могут иметь разные **мишени**. В нашем материале они сводятся к двум основным вариантам: ■ двор (огород) соседа, чтоб «испортить» его животных и домашних; ■ могила, чтоб покойник (обычно считавшийся колдуном) не стал

¹⁴ Ср. понимание *порчи* в славянской народной традиции как «совокупности вредоносных магических приемов и предметов, используемых ведьмами, колдунами и другими “знающими” для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека, скота, урожая, хозяйства в целом. В отличие от сглаза, порча предполагает контакт с объектом и всегда бывает намеренной» [Левкиевская Е. Е. Порча // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 178–179].

ходячим, ср.: «Клин вбивали во дворе, незаметно пройдут и вобьют. Это порча. Скотинадохнет, люди умереть могут» (Кологр); «Кол вбивали. Это и к скотине, и к человеку применить можно. Хоть в подвал можно, хоть во дворе где-то осиновый кол вбивают (колдуны. — Е. Б., Я. М.) и заговор, видно, какой делают. Человек начинает болеть и в конце концов или надо идти знахарку искать, или умрет он. Насмерть наговаривают, бывает. Если кол нашли, его достать надо и сжечь» (Кологр); «Делали у нас. Кол вобьют во дворе — скотине будет урон, а то и люди мрут. А в чём дело — никто не знает. Надо *проклин* найти и выкопать» (Кологр); и др. Такие практики встречаются не только на Костромской территории, при этом втыкание кола в могилу колдуна (или в него самого) — очень частое действие у славян¹⁵, а втыкание кола во двор с вредоносными целями отмечается, кажется, гораздо реже, ср., к примеру, на Архангельской территории: «У нас вот... тут медведь корову съел, тут ещё чё-то сделалось, и вот зять приехал, вот мне сестры муж, и говорит: “У вас ведь, наверно, чего-то сделано”. И стал навоз выкидывать из двора. *Кол осиновый вбит* (выделение наше. — Е. Б., Я. М.). <Во дворе?> Во дворе. Ну мы потом уж думали на одну да... Не застал ведь, не знаешь. <С колом что сделали?> А кол вытащил он и, говорит, выбросил куда-то, снёс. <Куда?> Не знаю. Наопашку, наверно, выбросил»¹⁶; «На шальное кто, шобы и взамуж не вышла девка у этих. *Воткнул* куда <в дом> *зуб... от бороны*. И не выдёт эта девка»¹⁷.

Особое внимание хочется обратить на слово *проклѣн*, встретившееся в одном из контекстов (см. выше — «Надо *проклин* найти и выкопать») и означающее орудие вредоносной магии. Это слово не отмечено, кажется, лексикографическими источниками, но имеется фиксация его омонима — ряз. *проклѣн* в выражении *проклинать, проклясть, клясть на* (или *в*) *проклѣн* ‘очень сильно ругать, бранить кого-л.’: «Йио доч’ клин’от’ на праклин»¹⁸, где усилительная структура (аналогичная *ругмя ругать*) подтверждает производность от *проклинать*. Костромской *проклин* мотивационно сложнее: здесь, с одной стороны, тоже есть производность от *проклинать*, поскольку *проклин* выступает как «каузатор» порчи = проклятия, а с другой, весьма вероятна связь с *клин*, актуализирующая вещественно-орудийную семантику инструмента порчи; эта связь актуальна в плане магических манипуляций, в которых клин (кол) может использоваться «реально» или «фигурально».

Подчеркнем также **амбивалентность** символики кола / клина в ситуации проклятия. Кол служит инструментом и каузатором проклятия и пор-

¹⁵ Агапкина Т. А. Кол // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528.

¹⁶ Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2012. С. 100.

¹⁷ Там же. С. 182, 474.

¹⁸ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. М.: Наука, 1969. С. 463.

чи, при этом он же может расцениваться как оберег от них, о чем говорит не только втыкание кола в могилу колдуна, но и апотропеическое использование его в более широком круге ситуаций: «Надо осиновый кол забивать у дома, чтобы защититься от проклятий и всякой нечистой силы» (Меж).

Из сказанного вытекают далеко идущие последствия разного плана. Так, исключительно интересен вопрос о возможной этимологической связи *проклинать* и *клин*, см. версию А. В. Штейнгольд, которая считает, что *проклинать*, *клясть* соотносится с *klin, *kliniti* ‘прокалывать’ (а акт колдовства часто связывался с символическим прокалыванием объекта порчи); *клясться* = проклинать себя, то есть «прокалывать себя»¹⁹. Можно выйти и на вопрос о реконструкции культурно-прагматического контекста выражения *вбить кол между кем-либо*, которое обычно трактуется как метафора на основе обозначения процесса колки дров (требующего вбивания клина): думается, есть возможность видеть в этом выражении и «колдовскую» подоплеку. Но эти вопросы требуют отдельного рассмотрения на обширном материале (славянском и общерусском). Пока можно говорить лишь о том, что костромские данные ставят яркий акцент на орудийной роли кола или клина в структуре ситуации проклятия.

ВРЕМЯ И МЕСТО ПРОКЛЯТИЯ

Маркеры пространства и времени — слова с локативной и темпоральной семантикой, функционирующие вне собственно текста проклятия: это указания на время, когда произносится проклятие (реже — когда проклятие оказывается снятым или преодоленным, когда можно встретить того, кто был проклят), и локусы, в которых может оказаться проклинаемый адресат (реже — в которых произнесено проклятие).

Временной контекст проклятия в нашем материале представлен в двух ракурсах: ■ момент произнесения, ■ длительность действия.

Характеристика **момента произнесения проклятия** вписывается в «классические» для народной традиции параметры. Проклятие может исполниться, если оно произнесено в «опасное», «демоническое», «колдовское» время: ■ **леший час**: «Лешака помянула, а был леший час. Вот и унесло корову. А когда леший час — колдуны знают. Такое время есть» (Шар); ■ **лихой час**: «“Лешак тебя в рамень унеси”, в дальний лес. А в лихой час скажешь — он и унесёт» (Меж); ■ **урóчливый (урóчный)**²⁰ **час**: «Матка скажет: “Отступитесь, понеси вас черт!” В урочливый час скажет — унесут черти. Было у нас» (Меж); ■ **чёрный час**: «В чёрный час скажешь: “Понеси тебя леший!” — проклятие и сбудется» (Кологр).

¹⁹ Штейнгольд А. В. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе: [дис. ... доктора философии по русскому языку]. Tartu: Tartu University Press, 2006. С. 43–46, 50–53.

²⁰ Ср. костр. *урок* ‘сглаз, порча’, *урочливый* ‘способный сглазить (о человеке)’, ‘подверженный сглазу (о человеке или животном)’.

Эти мифопоэтические обозначения могут не иметь конкретной временной привязки, но иногда такая привязка, характеризующая время особой действенности проклятий, появляется. В первую очередь, речь идет о **полночи**, называемой в костромских говорах знаменательным именем — **межеумочный час**, подчеркивающим «переходность» этого времени: «Проклинула ребёночка в межеумочный час — ну и потеряла его. Забрал леший» (Меж). Другие промежутки не получают специального обозначения, но являются, как и полночь, высоко семиотизированными зонами суток: **ночь вообще**: «Еретик с вам! — чёрные слова. Крикнешь к ночи дома — из семьи кто сгинуть может» (Мак); **полдень**: Баба сказала в поудень: “Будь ты недаровой!” — и парня у ёй к вечеру на реке закружило, еле спасли» (Шар). Проницаемы для проклятий и те моменты, когда человек **собирается в путь**: «Не брани кого, когда он в дорогу собирается, пусть даже в магазин» (Мак); «То ли уж она нас поругала на поход, то ли уж чего, то ли мы не в час пошли — всю ночь проблудилися» (Вохом).

Перейдем к характеристике **длительности действия проклятий**. Этот параметр ситуации проклятия оказывается маркированным весьма редко, что повышает ценность костромских свидетельств. Разумеется, здесь тоже используются аксиологически нагруженные числа. Проклятие может держаться **девять лет**: «Проклинать большой грех. Девять лет оно дёржится» (Кологр), **семь поколений**: «Проклятие, говорят, семь поколений держится» (Кологр). В последнем контексте речь, очевидно, идет об архаичном родовом проклятии, имеющем огромную длительность. Здесь же стоит упомянуть такие случаи (более частые), когда указание на срок действия злоречения является косвенным: в быличке указывается, через какое время (на **третий**, **девятый день** и т. п.) после момента проклятия людям удастся найти проклятого: «Нашли на третий день в лесу у ёлки» (Меж); «У нас одна девка проклинута была. Её matka прокляла, она в рамени оказалась. На девятый день нашли» (Меж). Речь идет о косвенном указании, поскольку неизвестно, приводит ли обнаружение проклятого к полному избавлению от вредоносного действия проклятия (зачастую найденный человек оказывался понесшим серьезный физический или психический урон, если вообще живым).

Что касается **топоса**, связанного со злоречениями, то соответствующие упоминания относительно редки в текстах быличек — в отличие от самих формул проклятий²¹, где они важны как адресация отсылы. Различаются: ■ место произнесения проклятия (где оно оказывается наиболее опасным и действенным), ■ «адрес», где обнаруживается его объект. В обеих ролях выступает в первую очередь **лес**. Лес как место произнесения проклятия

²¹ См.: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12: Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М., 2017. С. 137–159.

фигурирует в текстах предостережений и запретов: «В лесу ругать нельзя. Проклятого может и бес заблудить» (Мак), а также быличек: «Матка с дочкой пошли в лес. Матка дочку зовёт, а та балуется, не отвечает. Матка и скажи: “Где ты, леший тебя понеси?!” В сердцах сказала, дурного не думала, а леший-то унёс дочку» (Кологр). Чаще всего лес упоминается как место обнаружения проклятого — и это коррелирует с упоминавшимся выше «лешакаином» как действием проклятия, ср. множество контекстов типа «Изругаешься “Унеси леший” — он тебя на ёлку унесёт» (Пав). Кроме леса, могут встречаться также указания на другие удаленные или опасные локусы — реку, овраг, поля, далекие деревни.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОКЛЯТИЯ

Злоречение имеет множество перлокутивных эффектов, при этом важно отметить, что они бывают двунаправленными: страдает не только **объект** проклятия, но и — бумерангом — его **субъект**. Разумеется, последнее упоминается гораздо реже — и воспринимается как возмездие за грех: «Ты долешакаешься, так лешака-то на дом вызовешь. Сама вызываешь, лешакаешься когда» (Пыщ); «Проклянула кого — с тобой потом и случится, грех ведь это» (Шар); ср.: «На проклинателей нечистая сила насылает морок, блазнит, “вводит в прелесть”»²².

Акциональные последствия проклятия в большинстве текстов «симметричны» посылу, иначе говоря, слова вызывают действие, ими поименованное: «Неси тебя горой! — так нельзя говорить. Ребёнка может раздуть, живот горой будет» (Мак); «Тётя Маня рассказывала, что дед поругался с сыном. Он проклял сына, что останешься на войне, не придёшь. Так и случилось» (Кологр); «Она сказала: “Господи, да захлестни его ёлкой”. Да захлестнуло ведь его» (Шар).

В большинстве костромских проклятий следствием магических слов становится **пропажа** человека или скотины: «Собаку один мужик поклёл, лесным поругал. Не пришла и домой собака» (Окт); «Леший — и сказать-то боязно. Изругал отец родной — найти не могут» (Вохом). Проклятый может заблудиться или «самостоятельно» уйти из дома: «Примерно, мать ребёнка свово поругает: “Понёс бы тебя леший”. И ребёнок-от и в самом деле долго не придёт домой. Где-нить ево как поводит» (Пыщ); «Лесным поругала корову, та изо двора убежала. След ей видят, корову не видят» (Окт). Исчезновение объекта проклятия может не «закладываться» непосредственно в текст проклятия, но, конечно же, нередко оно «стимулируется» текстом, неслучайно наиболее частотными предикатами проклятий в нашем материале становятся глаголы **унести** или **понести**: «Пошёл он в лес. “Иди, Христос с тобою”, — вот так и сказала. А вторая ему сказала: “Куда тебя леший понёс?” Так его носило неделю целую» (Пыщ); «Ругаешься в ка-

²² Щербинина Ю. Злоречие: Иллюстрированная история. М.: НЕОЛИТ, 2019. С. 119.

кой-то день: “Ой, леший тебя понеси!” — и вот может унести далёко» (Окт); «Она и сказала: “Понеси тебя леший!” Тут его и подхватило — как ветром ребёнка несёт. Эта нечистая сила в любой момент человека подхватывает» (Вохом).

Чаще всего рассказчики быличек не знают, что происходит с проклятыми, когда они оказывается во власти нечистой силы, но иногда это становится известным. Согласно рассказам проклятых, леший принимает разные обличья (обычно старичка, кого-то из близких и др.): «Ей лесной показался тятей, в лес и увёл» (Вохом). Леший водит по лесу или же забирает себе в жилище: «<Проклятый мальчик> ушёл трушничать <собирать остатки сена> и не вернулся. Через несколько дней его нашли. Он сидел на пеньке. Говорит, что его дед на закрошках в лес, к себе в избу, унёс. У него тепло. Этот дед кормил оладьями и лепёшками. А потом из карманов мальчик достал листья: “Вот, — говорит, — оладьи-то”. Этот дед и был вершний <леший>» (Пав). Леший может заставить проклятого бесчинствовать вместе с ним: «Ребёнок гулять просился. Мать-то послала его к лешему. Он и попал к дяде Мише. Они вместе дела делали. Потом парень говорил, когда его нашли: “Меня дядя Миша сквозь шшель протаскивал”. Они прознают, что где-то люди за стол сели, не благословясь. Залезут в эту избу, дядя Миша парню говорил: “Насерём в эту еду”» (Шар). При этом для ищущих односельчан проклятый, находящийся во власти нечистой силы, становится невидимым: «Из школы мальчик не вернулся, и его искали. И когда его нашли, он сказал: “Я вас видел. Я под деревом сидел. Старичок со мной сидел”. Вот и послали к лешему его!» (Кологр).

Проклятый может **пропасть в лесу**, однако в некоторых случаях его находят в «маргинальных» местах, куда он не может забраться самостоятельно: «Просекой идём далеко, всё нет, потом встали, а он кричит: “Мама, я на ёлке”. Ак его не на ёлке нашли, дедушко его ссадил на корни. Вот лешакаться-то нельзя» (Вохом); «Мать сильно сватью наругала, а ребёнку приключилося, сын на зароде, а Вохма-то широкая, воды-то много, его сверху-то сняло, ребёнка и над рекой закружило» (Вохом).

Проклятые редко проходят бесследно: его жертвы могут серьезно заболеть, причем обычно **страдает психика**: «У нас одна девка проклинутая была. Её matka прокляла, она в рamenti оказалась. На девятый день нашли. Домой живую вернули, но она так и жила рахманная <слабоумная>» (Меж); «Если человека прокляли, то он начинал бегать без остановки» (Меж). Верования такого плана широко распространены у славян: проклятые люди сблизаются с нечистой силой и «возвращаются домой, утратив человеческие свойства и способности»²³.

²³ *Седакова И. А.* Проклятые // *Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 295; см. также: Соловьева Я. Ю.* Народная проза о детях, отданных нечистой силе... С. 31-33.

В костромском материале представлен и известный сюжет **подмены проклятого ребенка**. Если мать проклинает младенца (как правило, невольно), то нечистая сила забирает его себе, а в кроватку подкладывает полено или неразвитого, больного ребенка: «У одной бабы было: ребёнок всё ревет и ревет, ревет и ревет. И видно она возьми да и скажи: “Чтоб тебя леший унёс!”». Ну леший-то полено и принёс ей, а ребёнка-то путевого-то взял себе. Вот это дерево, полено-то всё скрипит и скрипит, скрипит и скрипит» (Шар).

Отметим, что текстов о подмене ребенка у нас немного (всего два) — на фоне не одного десятка рассказов о пропаже ребенка или же скотины в лесу. Интересно, что в соседней Нижегородской области, напротив, сюжет о подмене детей является одним из ключевых, о чем говорит не только большое количество соответствующих рассказов, но и разнообразие сюжетных мотивов²⁴.

В целом обращает на себя внимание несколько **иной набор мотивов**, присущих рассказам о проклятых на территории Нижегородского Поволжья, где, к примеру, частотен рассказ **об обращении проклятых в русалок**²⁵, имеющих целый ряд специальных номинаций (*тартомойка*, *беломойка*, *колотовка*, *щекотун* и др.²⁶). В костромском материале этот мотив, кажется, единично проявлен на границе с Нижегородской областью: «Волосатки в озёрах сидят, ночью плачут, а утром на камне волосьями трясут. Их прокляли, волосаток-то, матеря» (Мак). Наконец, на Нижегородчине появляется мотив женитьбы парня на проклятой девушке, живущей в бане²⁷.

Разумеется, мы не можем пока делать категоричные выводы (в том числе по субъективным причинам — недостаточности материала), но предварительно есть смысл предположить, что «вес» мотивов, связанных с проклятыми, в Костромской и Нижегородской области различен. Так, в костромских материалах наибольшее число рассказов посвящено именно **«лесному» сюжету** (похищение проклятых лешим, их исчезновение в лесу), при этом названный сюжет уходит и дальше на Русский Север — в Вологодскую и Архангельскую области²⁸. Нижегородский материал отличается частотностью «водного» сюжета, ведущего далее на юг и запад²⁹.

²⁴ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корпова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 203–205.

²⁵ Там же. С. 202.

²⁶ Там же. С. 200, 201, 398

²⁷ Там же. С. 205–207.

²⁸ Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

²⁹ *Виноградова Л. Н.* Русалка // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 495–501.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОКЛЯТИЮ

В заключение важно сказать о такой малоизученной части сценария проклятия, как **противодействие ему**. Наиболее интересны нам вербальные «антидоты», дающие «симметричный ответ» на проклятие, то есть ведущие борьбу со словом тем же оружием. Они, во-первых, предполагают использование формул, **отрицающих действительность** проклятия: «Она лешакнулась: “Понеси тебя лешак!” — А ты скажи: “От слова не сбудется, от слова не станется”. И креститься надо» (Шар). Во-вторых, получатель злоречения может ответить отправителю **угрозой**: «Кто чёрное слово скажет, а ты ему: “Кипун тебе на язык!”» (Мак). Слово *кипун* в приведенной формуле — вариант общенародного *типун*³⁰. Аналогичный набор формул противодействия проклятию фиксируется на соседней Вологодской территории: «На подобного рода зложеланья <типа *Дуй ты горой*> обыкновенно отвечают: *От слова не сбудется; Типун те на язык-от* или *Сам сеешь*»³¹. Использование таких формул обозначается метаязыковым глаголом *отговаривать* ‘снимать проклятие’: «Типун поминали, отговаривали-то» (Шар)³².

Возможно, подобные специализированные формулы не раз использовались в речевой практике, но в текстах быличек они не встречаются: по законам жанра, это слишком легкий способ избавления от разрушающего действия злоречения. Чаще упоминаются «неспециализированные» вербальные акты, применяемые для противодействия любому негативно-магическому воздействию, — **молитвы**. Так, в ряде текстов говорится о том, что если проклятый оказывался в лесу, необходимо было искать его с молитвами и иконами. Наряду с этими приемами из «христианского» арсенала противодействия проклятию, закономерно использовались и «языческие» приемы. Среди них, к примеру, **подношение лешему**, когда в лес уносили еду в обмен на возвращение проклятого: «И один мужчина говорит: “Нечего — кони-те руганые”, он чего-то знал, и он чего-то писал ли, на ростáни носил — табаку носили, хлеба носили, соли, на пенёк положили, через полчаса как положили — кони из леса выскочили» (Вохом). Закономерно и **обращение к магическим специалистам**, которые предлагали

³⁰ О русских народных формулах с этой семантикой см. отдельное исследование: *Брезович Е. Л.* К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул («типун тебе на язык!») // *Этимология, 2000-2002 / под ред. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной и др.* М.: Наука, 2003. С. 165-177.

³¹ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева.* Т. 5: Вологодская губерния, часть 3: Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова; науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. С. 151.

³² Вновь отметим родство разных по целеполаганию видов магической речи: так, для защиты от нечистой силы при гадании тоже использовался *отговор*: «Доски брякают — к смерти. А ты отговоришься, скажи “Чур, полно!” Отговор-от помогают» (Пав).

разные варианты исцеления проклятого: «А у бабушки были камешки, она стоит на колени перед иконостасом, молится и кидает камешки. Камешки выложит, поворачивается к хозяйке-то: “Ругала вчера скотинку-то?” — “Ругала, она ко мне не пришла!” — “Вот ты моя милая, вот тебе водички, приди, спрыскивай три зори этой святой водой да проси прощения. Не поможет — ты очень виновата, скотина падёт от тоски”» (К-С).

* * *

Представим таблицу, в которой обозначены основные позиции затекстовой ситуации проклятия, названы соответствующие языковые номинации, перечислены внеязыковые роли и мотивы.

Компонент затекстовой ситуации	Языковые номинации	Внеязыковые роли и мотивы
действие проклятия	<i>проклинать, клясть, клясти, клястись, клясться, поклясть, поклесть намолить прокликнуть залешакаться, долешакаться, лешачиться, лешугаться, по-лесному ругать, лесной ругаться ругать, ругаться, выругаться, изругать, наругать, поругать, разругаться выговаривать лаяться</i>	акт произнесения проклятия как вербальный ритуал
формула проклятия	<i>проклятое слово, плохое слово, нехорошее слово, поганое слово, чёрное слово клятва</i>	основной перформативный элемент ритуала
субъект проклятия		родители, особенно мать; супруги, особенно жена; хозяин по отношению к скоту

объект проклятия	<i>клятыш, проклятыш, проклятой, проклинутый, прокликнутый, проклятуций, поклянный руганой</i>	ребенок по отношению к родителям; супруги, особенно муж; скот по отношению к хозяину
инструмент проклятия	<i>кол, клин, проклин</i>	кол (клин) — реальный или «символический»
время проклятия: момент произнесения длительность действия	<i>леший час, лихой час, урочливый час, урочный час, чёрный час межеумочный час</i>	полдень, полночь, ночь вообще; момент сборов и отправления в путь девять лет, семь поколений; третий, девятый день как время обнаружения проклятого в лесу
место: место произнесения проклятия локус, куда попадает объект		лес лес
последствия проклятия: для объекта для субъекта		кара, урон, поименованный в проклятии; болезнь (обычно психическая), смерть, пропажа проклятого в лесу, похищение проклятого нечистой силой, подмена проклятого ребенка возмездие за грех проклятия

противодействие проклятию	<i>От слова не сбудется, от слова не станется Кипун тебе на язык отговаривать</i>	молитва, икона различные магические практики

В дальнейшем было бы важно изучить характер заполнения этой сетки на материале других локальных культурно-языковых традиций.

Сокращения

- Вохом — Вохомский район Костромской области
 Кадый — Кадыйский район Костромской области
 Кологр — Кологривский район Костромской области
 К-С — Красносельский район Костромской области
 Мак — Макарьевский район Костромской области
 Меж — Межевской район Костромской области
 Окт — Октябрьский район Костромской области
 Пав — Павинский район Костромской области
 Парф — Парфеньевский район Костромской области
 Пыщ — Пыщугский район Костромской области
 Шар — Шарьинский район Костромской области

Источники

- Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2012.
- Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. Т. 5: Вологодская губерния, часть 3: Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова; науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
- Словарь говоров Русского Севера Т. 7: Л–М / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / материал собрали и словарь сост. Г. А. Барина, 2018.

Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.]; под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969.

Этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

- Агапкина Т. А.* Кол // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 527–528.
- Березович Е. Л.* К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул ('типун тебе на язык!') // Этимология, 2000–2002 / под ред. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной и др. М.: Наука, 2003. С. 165–177.
- Березович Е. Л.* Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 5–9.
- Березович Е. Л., Малькова Я. В.* «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33)
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12: Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М.: Нестор-История, 2017. С. 137–159.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения В. Н. Топорова / под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 111–140.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>
- Виноградова Л. Н., Седакова И. А.* Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 286–294.
- Виноградова Л. Н.* Русалка // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 495–501.
- Левкиевская Е. Е.* Порча // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 178–183.

- Седакова И. А. Проклятые // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 294–296.
- Соловьева Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе: сюжетный состав и жанровые реализации : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). М.: Наука, 1994. С. 172–177.
- Штейнгольд А. В. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе : [дис. ... доктора философии по русскому языку]. Tartu: Tartu University Press, 2006.
- Щербинина Ю. Злоречие: Иллюстрированная история. М.: НЕОЛИТ, 2019.

References

- Agapkina, T. A., 1999. Stake. In: N. I. Tolstoj, ed., 1999. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2, pp. 527–528. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2003. On the Semantic Reconstruction of some Russian Dialect Verbal Formulas (“tipun tebe na yazyk!” (curse that tongue of yours!)). In: Zh. Zh. Varbot, A. F. Zhuravlev, L. V. Kurkina, eds., 2003. *Etymology, 2000–2002*. Moscow: Nauka, pp. 165–177. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2023. Motive of Exclamation, Call, Response in Toponymy and Toponymic Legends. *Living Antiquity*, 4 (120), pp. 5–9. (In Russian)
- Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2024. “Tense” Sounds in Ritualism and Magic (Based on Materials of Cultural and Linguistic Tradition of Kostroma Region). *Ural Historical Journal*, № 2 (83), pp. 24–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33) (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2017. Space and Time Markers in the Texts of Russian Imprecations (with Reference to the Russian Dialects Vocabulary). In: A. M. Moldovan, ed., 2017. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Moscow: Nestor-Istoriia. No. 12. Dialectology, pp. 137–159. (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2018. Reconstructing the Lexicon of Imprecations: The Category of Actor and Peculiarities of its Textual Implementation (with Special Reference to Russian Dialectal Vocabulary). *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042> (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2019. Names of Diseases in Russian Curses. In: A. F. Zhuravlev, F. B. Uspenskij, eds., 2019. *Slavic and Balkan Linguistics: Slavic Studies. Indo-European Linguistics. Cultural Studies: On the 90th Anniversary of the Birth of V. N. Toporov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 111–140.
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2021. On Linguopragmatics of Russian Imprecations Mentioning Evil Forces. *Shagi / Steps*, 7(2), pp. 268–287. (In Russian) <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>.

- Levkievskaja, E. E., 2009. Spoiling. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 178–183. (In Russian)
- Sedakova, I. A., 2009. The Cursed Ones. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 294–296. (In Russian)
- Shcherbinina, Iu., 2019. *Evil Speaking: Pictorial Story*. Moscow: NEOLIT. (In Russian)
- Shteingol'd, A. V., 2006. *Signs of Ancient Slavic Beliefs in the Russian Vocabulary*. Dis. ... doktora filosofii po russkomu iazyku. Tartu: Tartu University Press. (In Russian)
- Solov'eva, Ia. Iu., 2012. *Folk Prose about Children Given Over to Evil Spirits: Plot Composition and Genre Implementations*. Dis. ... kand. filol. nauk. Lomonosov Moscow State University. (In Russian)
- Tolstaia, S. M., 1994. Verbal Rituals in Slavic Folk Culture. In: N. D. Arutiunova, N. K. Riabtseva, eds., 1994. *Logical Analysis of Language. Language of Speech Actions*. Moscow: Nauka, pp. 172–177. (In Russian)
- Vinogradova, L. N., 2009. Mermaid. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 495–501. (In Russian)
- Vinogradova, L. N., Sedakova, I. A., 2009. Curse. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 286–294. (In Russian)